

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА» 1870 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ НОВОГО «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Л. Рудницкой

В 1870 г., вскоре после смерти Герцена, Огарев вместе с Нечаевым сделали попытку возобновить в Женеве издание «Колокола». Средства на это издание были взяты из той части бахметевского фонда, которую наследники Герцена передали Огареву. Идею руководства возобновленным «Колоколом», имевшим подзаголовок: «Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом (Искандером)» и «Под редакцией агентов русского дела», в основном принадлежало Нечаеву.

«Колокол» 1870 г. вышел в количестве шести номеров (в 1933 г. они были переизданы издательством политкаторжан). Первый из них датирован 2 апреля, последний — 9 мая 1870 г. На этом издании прекратилось.

В последнем, шестом, номере, под рубрикой «Мнения русских людей о А. И. Герцене», были помещены отрывки из двух писем в редакцию. Ниже публикуется полный текст первого из названных писем, автограф которого хранится в «пражской коллекции». Письмо не датировано и не подписано. Поскольку в нем речь идет о трех первых номерах возобновленного «Колокола», оно могло быть написано только во второй половине апреля 1870 г. О себе автор сообщает, что он принадлежит к числу тех, кто видел «всю деятельность Герцена и ее громадное влияние на Россию».

В газете была помещена лишь та часть письма, в которой шла речь о Герцене, критика же программы возобновленного «Колокола» опубликована не была.

Мнения о Герцене, высказанные в «Письме первом» и «Письме втором», отражали, по заявлению редакции, два противоположных, взаимоисключающих направления в среде оппозиционно настроенных элементов русского общества: с одной стороны — «узкий либерализм», с другой — «крайность беспощадной, ничего не разбирающей ломки». Помещенные письма действительно отражали идейный разброд, отсутствие какой-либо единой направляющей революционной теории и организационного единства, особенно характерные для русского освободительного движения в период, последовавший за разгромом первого общества «Земля и воля». В непечатанной части первого письма, автор которого был охарактеризован редакцией как «узкий либерал», вскрывалось неблагополучие в направлении самого печатного органа, претендовавшего на роль политического руководителя и организатора оппозиционных сил.

Критически разбирая три первых номера возобновленного «Колокола», неизвестный корреспондент упрекал новую редакцию газеты в распыл-

чатости и противоречивости ее исходных политических позиций. При всей шаткости своих собственных воззрений, не лишенных либеральной окраски, автор письма критиковал новый «Колокол» за непоследовательность в проведении революционной линии, за неясность программных установок, за выступления против теоретической разработки общественных проблем, против размежевания партий в антиправительственном движении.

Действительно, возобновленный «Колокол» давал полное основание для подобной критики. У редакции не было сколько-нибудь четкого представления, органом каких общественных сил должно было служить издание. Настойчиво проводя мысль о консолидации всех антиправительственных сил для всеобщего выступления против «императорства», редакция прямо заявляла: «Первое дело для нас общее — дело освобождения от императорского ига, дело низвержения его... Мы подадим руку всякому, кто вместе с нами захочет способствовать разрушению монархической власти в России не словами только, а делом» («Колокол», № 1 от 2 апреля 1870 г., стр. 4).

Именно этой ставке на использование антиправительственных настроений в самых различных слоях русского общества для организации всеобщего бунта была подчинена вся агитационная кампания, организованная Нечаевым, Бакуниным и Огаревым в 1869—1870 гг. После вторичного приезда Нечаева из России в Женеву в январе 1870 г. эта кампания стала принимать явно авантюристический и мистификаторский характер. Назревший разрыв между Нечаевым и Огаревым, для которого авантюристическая тактика Нечаева была неприемлема, привел к прекращению «Колокола» в мае 1870 г.

Письмо печатается по рукописной копии, сохранившейся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 190).

Редакторам «Колокола»*

Милостивые государи!

Вы возобновили «Колокол», издававшийся некогда вечно дорогим для России А. И. Герценом. Вы хотите занять оставшееся свободным место, вы решились продолжать плодотворную деятельность покойного публициста. Русскому остается только пожелать вам успеха.

В статье от редакции в № 1 «Колокола», вы, между прочим, определяя направление своего издания, говорите, что «прежняя редакция», т. е. Герцен, «допускала возможность освобождения (России) по инициативе императорства, рядом правительственных политических и социальных преобразований и мер»¹.

Неужели вы действительно вывели такое заключение об убеждениях Герцена? Неужели вы серьезно сказали эту фразу? Герцен, видевший революцию 1848 г. в Париже, Герцен, связанный дружбой с Прудоном, Герцен, написавший «С того берега», — верил в освобождение России от императорства путем правительственных преобразований и мер по инициативе того же императорства? Согласитесь, что это было бы слишком наивно.

Нет, Герцен очень хорошо понимал, что императорская неограниченная власть несовместима с свободой, и ему не нужно было доказательств «путем опыта, что царская власть не может дать действительного освобождения»².

Но в то же время Герцен видел ясно, что русское правительство со смертью Николая потеряло веру в свою несокрушимую силу и должно

* В верхнем левом углу письма надпись: Копия.

было сделать уступки обществу, должно было опереться на народ и отстранить те безобразные условия, против которых говорил «Колокол». И в этом Герцен не ошибся. Правительство Александра II действительно вступило на путь реформ и, бесспорно, сняло много оков с русского общества. Мы не будем ставить за это памятники царю, мы знаем, что он не мог иначе действовать после поражения правительственной силы в Севастополе и смерти ее представителя в Петербурге, но вы должны признать, что Герцен был вправе иметь надежды на это положение правительства и должны вместе согласиться, что надежды эти нисколько не указывают на его убеждение об освобождении России путем императорства.

Впрочем, в № 2 «Колокола» вы сознаетесь в своей ошибке. Вот что стоит на 9 и 10-й страницах: «Десятилетняя деятельность лондонского станка прежде всего разбудила в русском обществе политические стремления и страсти, выставила императорское правительство *в его настоящем свете* и своей язвительной, ловкой насмешкой пробудила недовольство им и желание лучшего»³.

Я говорил о Герцене не для возбуждения полемики о его личности и деятельности, достойных вполне серьезной оценки. Я знаю, что издаваемая вами газета не может служить местом для определения значения в развитии русского общества этого замечательного гражданина своей страны, но мне кажется, что в «Колоколе» не должно быть также и места для таких суждений о Герцене, которые грешат своей неясностью и могут дать другим неправильное понятие о его убеждениях.

Вы извините начало этого письма человеку, видевшему всю деятельность Герцена и ее громадное влияние на Россию, — вы поймете, что я имею право просить о более серьезном отношении к великому патриоту от издателей «Колокола», созданного силами и талантом Герцена⁴.

Затем позвольте мне перейти к вашей программе.

В № 1 «Колокола» вы говорите, что *настоящее дело* заключается в «низвержении правительства», в «изменении существующего порядка», в «освобождении от императорского ига и низвержении его», в «разрушении монархической власти в России»⁵.

Вот выражения, которые вы употребляете в разных местах передовой статьи, говоря о том, что нужно теперь делать русскому обществу. В примечании к письму Бакунина вы заключаете, что сущность деятельности лучших людей в России в настоящую минуту — это борьба с императорством⁶.

Далее мы читаем, стр. 3: «Нам всем грозит та страшная катастрофа снизу, о которой император Александр II говорил в своей речи, обращенной к московскому дворянству в 60-х годах», и «все с ужасом предвещают беду, а между тем никто не делает ничего для того, чтобы спасти себя и Россию от стихийного переворота, от ужасов революции, тем более кровавой и беспощадной, чем она явится неожиданнее»⁷.

На стр. 10-й, говоря о том, что после возбуждения русского общества Герценом *противоправительственная* деятельность велась разрозненными кучками лиц без всякого выработанного *плана*, а потому и без всякого единства и единогласия в ходе работы и что если бы совместить в одно целое всех деятелей, если бы вложить единый план в основание их работ, то дело освобождения России было бы окончено блестящим образом и что оно исключительно парализовалось отсутствием плана и тесной организованной связи, вы заключаете: «Силы должны быть сконцентрированы и направлены на одну точку. Эта точка — империя», и, вероятно, предполагаете, что открыли план кампании и связи для всех действующих сил. В сущности же вы нисколько не изменяете положения дела. Вы сами сказали, что русское общество давно уже ведет *противоправительственную* борьбу, т. е. против деспотизма империи, и вся ваша программа — это *соединение*

сил на одну точку — заключается в предложении делать то, что прежде делали. В действительности, как вы видите, вы не даете никакого плана, никакой точки соединения для сил, хотя и сознаете необходимость такого плана. Предположив даже, что вы имеете определенное мнение о системе действий и только не желаете его высказывать, приходится и в этом разочароваться: прочитавши три номера «Колокола», я, по крайней мере, ничего не понял. В одном месте вы говорите против революции, в другом заявляете о необходимости разрушения монархической власти в России, в третьем соглашаетесь принять в свой лагерь конституционистов (стр. 23)⁸.

Скажите, как прикажете понять вашу программу и ваш взгляд на будущую организацию России. Если бы вы не говорили о разрушении и низвержении, то вы могли бы еще думать, что на ваш вызов откликнутся все недовольные правительством, но после этих слов вы можете иметь дело лишь с людьми, мечтающими о русской республике.

Заграничный орган, бесспорно, мог бы принести пользу России, но только в таком случае, если его редакторы будут иметь серьезные политические убеждения и публично заявлять их в своем издании. Мы страдаем вовсе не избытком политических теорий, как вы это думаете, а совершенным их отсутствием.

К несчастью, мы не имеем возможности обсуждать открыто в прессе нашу политическую организацию, мы не можем сообщать наши мысли по этому предмету на митингах, а потому у нас и не могли образоваться политические партии.

Да и что вы так боитесь этих партий, так чураетесь от всяких теоретических рассуждений? Если только не залетать в облака и не браться за разрешение вопросов, слишком отдаленных, то дело вовсе не так сложно. Перед вами прошедшая история России и вековой опыт Запада Европы. Остается лишь основательно изучить пережитое, и вывод будет готов сам собой. В этом, по моему мнению, и должна заключаться роль заграничного политического органа.

Я прошу в заключение извинения у гг. редакторов за мою откровенность.

На днях я выезжаю в Россию и пред отъездом считал своим долгом высказать мои мысли людям, желающим принести пользу России. Я надеюсь, что редакция поймет, что мной руководило уважение к их начинающейся деятельности и желание добра моей несчастной родине⁹. Наконец, я не стою за то, чтобы все мое письмо было напечатано в «Колоколе», и прошу поместить лишь его начало, касающееся Герцена*.

¹ Из передовой статьи «К русской публике от редакции» — «Колокол», № 1 от 2 апреля 1870 г.

² Из статьи Огарева «Памяти Герцена» — «Колокол», № 3 от 16 апреля 1870 г.

³ Из передовой статьи № 2 «Колокола» от 9 апреля 1870 г. Этот абзац (от слов: «Впрочем, в № 2...») не вошел в публикацию «Колокола».

⁴ На этом заканчивался текст письма, опубликованный в «Колоколе».

⁵ Из передовой статьи № 1 «Колокола» от 2 апреля 1870 г.

⁶ В № 2 «Колокола» от 9 апреля 1870 г. было помещено письмо М. Бакунина «Редакторам „Колокола“», в котором он, одобряя призыв новой редакции к объединению всех антиправительственных политических партий в России, ставил перед редакцией вопрос, какова же ее собственная политическая программа.

⁷ Из передовой статьи № 1 «Колокола» от 2 апреля 1870 г.

⁸ Не вполне точные выдержки из передовой статьи № 2 «Колокола».

⁹ Сообщаемые в письме отрывочные сведения личного характера, весь тон письма, рисующие человека глубоко переживавшего вопросы политической жизни России, само направление критики программы новой редакции «Колокола» свидетельствуют о том, что автор его в течение длительного времени, если не непосредственно участвовал, то очень близко стоял к русскому революционному движению.

* Далее синим карандашом, неустановленным почерком приписано: Нового «Колокола» после смерти А. И. Герцена Огаревым etc. в Женеве.